

Нарративы с мотивом *Илля яй кватайтны* (хватать Ильинское мясо): форма, структура и функции текста

Людмила Сергеевна Лобанова

(Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН:
Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26)

Аннотация. В статье на основе экспедиционных фольклорно-этнографических материалов, в которых содержатся сведения о закалывании животного / хватании мяса на Ильин день в с. Ношуль Прилузского района Республики Коми, рассматривается проблема жанрового определения устной прозы о так называемой «местной истории». Цель настоящего исследования — выявить особенности функционирования и текстообразования рассказов о жертвоприношении на Ильин день в устной традиции с. Ношуль, определить роль мотива «хватания мяса/закалывания животного» в этих текстах. Анализ позволяет сделать вывод, что в коллективной памяти сохраняется не рассказ о жертвоприношении на Ильин день, а факт закалывания животного / хватания мяса, который в устной традиции свертывается до мотива/высказывания и выступает сюжетообразующим мотивом нарративов об Ильине дне. По объему, форме и содержанию тексты довольно разнообразны, но объединяет их модель трансляции: текст создается в момент воспроизведения на основе мотива хватания мяса / заклания животного и является подтверждением факта этого события на Ильин день. С содержанием текста (местная история) и его структурой (пересказ событий прошлого) связаны следующие элементы: указание на место и время событий, ссылка на источник информации, подтверждение достоверности, что в целом соответствует жанру предания.

Ключевые слова: современная устная проза, предание, жертвоприношение, коми традиция.

Статья выполнена в рамках плановой темы сектора фольклора «Поэтика фольклора народов Европейского Севера России в синхронии и диахронии» (2021–2025) (рег. № 121051400044–2).

Дата поступления статьи: 15 сентября 2022 г.

Дата публикации: 25 марта 2023 г.

Для цитирования: Лобанова Л. С. Нарративы с мотивом *Илля яй кватайтны* (хватать Ильинское мясо): форма, структура и функции текста // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 1. С. 76–87.

DOI: <https://doi.org/10.26158/ТК.2023.24.1.007>

Запись сведений о календарных традициях является неотъемлемой частью фольклорно-этнографических экспедиций. С одной стороны, народный календарь объединяет все сферы народной тра-

диции и аккумулирует различные жанры, с другой — несет в себе признаки локальности. Большой корпус современных экспедиционных записей представляют воспоминания о бытовавших в конкретной

местности календарных обычаев и обрядах. Содержательная сторона этих текстов не вызывает сомнений в их фольклорности, потому что является коллективной памятью, бытующей в устной форме [Неклюдов 2013], а вопрос по форме сопряжен с теоретическими и терминологическими проблемами жанрового определения устной прозы о так называемой местной истории¹.

В 2006 г. в ходе проведения экспедиционного исследования фольклорно-этнографической традиции прилузских коми в с. Ношуль Прилузского района было выявлено, что в контексте воспоминаний о церковных праздниках и календарных традициях устойчивое место занимают рассказы о закалывании животного / хватании мяса на Ильин день [Отчет 2006]. Цель настоящего исследования — выявить особенности функционирования и текстообразования рассказов о жертвоприношении на Ильин день в устной традиции с. Ношуль, определить роль мотива «хватания мяса / закалывания животного» в этих текстах.

Первые сведения об общественном жертвоприношении в с. Ношуль относятся к середине XIX в. и содержатся в работах учителя вятской гимназии Михаила Сидоровича Косарева (1804–1871). Описанию жертвоприношения он посвящает очерк «Ильин день в селе Ношульском» [Косарев 1859] и раздел «Народное веселье» рукописи «Пермяки Вятской губернии, преимущественно Орловского уезда» [Косарев 1863]². На основе описаний обряда выделяются следующие значимые моменты жертвоприношения: 1) проводится ритуал 20 июля, в Ильин день, около церкви с. Ношуль; 2) жертвуют бычков индивидуально по личному обету, данному в случае кризисной ситуации в скотоводстве; 3) жители села участвуют в литургии в честь Илии-пророка; 4) в овраге близ реки закалывают жертвуемых бычков, разделяют на части: тазобедренная часть, почки и язык — священнику;

лопатки — дьякону и притчу; кожу и жир продают в пользу церковной казны; 5) оставшуюся часть мяса и внутренностей варят на берегу реки в котлах; 6) сваренное и разделенное на части мясо складывают в корыта, приносят к церкви; 7) после прочтения молитвы священником и окропления святой водой собравшиеся расхватывают куски мяса. В целом обряд жертвоприношения, зафиксированный в середине XIX в., представляет собой религиозную практику, сформировавшуюся в церковной общине на основе системы традиционного хозяйства и религиозных практик православных крестьян Ношульской волости, и отличается от подобных ритуалов особым поведением — хватанием кусков жертвенного мяса³.

В 1930-е гг. в связи со сменной религиозной, общественной, хозяйственной системы обряд жертвоприношения на Ильин день из актуальной обрядовой практики перешел в область устной традиции, согласно законам которой и был перформативирован. Сюжеты о жертвоприношении в современной устной традиции с. Ношуль транслируются в контексте воспоминаний об Ильине дне. Продемонстрируем это на следующем фрагменте интервью: «<Соб.: На флейтах-чипсанах здесь не играли?> На флейтах нет, только на Ильин день посвистывали. На Ильин день много играли, для этого во время сенокоса заготовливают флейты и очень много играют. <Соб.: Женщины или мужчины?> Женщины, дети и девочки так. <Соб.: Только на Ильин день?> Да-да, к Ильину дню, мол, надо принести флейту. На Ильин день еще и быка закалывали. Это вот кто, мол, болеет, обещает богу вырастить быка, бычков, и потом к Ильину дню приводят бычка к церкви. Это тоже моя мама мне рассказывала, ее словами говорю, маминой речью. Потом зарежут <бычка>⁴ около церкви, разрубят на большие куски, и был большой котел, вот в этот котел всё мясо сложат и сварят. И потом, мол, говорили: Ильино

¹ См., например: [Азбелев 1966; Чистов 2005; Котельникова 2007; Штырков 2012; Липатова 2019].

² Указанные работы, а также структура и семантика обряда жертвоприношения были проанализированы автором статьи [Лобанова 2016].

³ Кроме с. Ношуль, подобное ритуальное поведение было зафиксировано в отдельных местностях карел и северных русских [Конка 2007, 371–373; Розов 2008, 376–377].

⁴ В угловых скобках приводятся уточняющие слова, а также переводы коми слов, которые встречаются в интервью на русском языке.

мясо хватать. Потом, смотри-ка, кто как может, большие куски-то и берут, вот это на Ильин день. <Соб.: Где едят — дома или около церкви?> А это я уже не знаю, не могу рассказать, где ели, это только мама и рассказывала. Говорит, отварят, поп потом это сделает, Ильино мясо хватают после отваривания, вот это забирают. А один мужик и сказал: сегодня, мол, Ильин день празднуют, а я, мол, сложил стог в четыре стожара. И вечером гром загремел, молния засверкала, и стог мигом разрушился, сгорел. Вот и хвалился работой в Ильин день, сразу стог и сгорел. <Соб.: Нельзя тогда работать?> Вот он обещал, как будто хулил праздник, вот люди празднуют, а я сено заготавливал, поставил стог в четыре стожара. Вот потом загремело, и стог сена сгорел»⁵ [МЛА 1932].

В приведенном тексте по содержанию выделяется три мотива-характеристики Ильина дня. Вопрос собирателя об игре на флейтах-чипсанах активизирует в памяти носителя традиции воспоминание о том, что к Ильину дню надо принести заготовку для флейты. В свою очередь, упоминание Ильина дня ассоциируется в памяти информанта с мотивом «на Ильин день быка закалывали / мясо хватали», который развивается в более целостное повествование, и это обусловлено тем, что информант пересказывает рассказ матери. Далее рассказчик неожиданно переходит к повествованию о наказании за «хуление» праздника Ильина дня. Обычно такие тексты следуют после сообщения о запрете на работы в Ильин день и являются иллюстрацией нарушения запрета. В данном случае информант не перестраивает форму высказывания, а продолжает вспоминать о событиях Ильина дня, толчком для перехода к новой теме служит противопоставление содержательного элемента: «все празднуют, а один мужик работал».

В других текстах зафиксировано воспроизведение текстов о жертвоприношении в контексте воспоминаний, что на Ильин день ходили в церковь [БМИ 1930; БСК 1934], приносили в церковь освящать выращенные овощи [ТГЕ 1925], а также

о праздновании Ильина дня [ГУН 1926; ТАА 1939]. Большинство текстов является ответом на вопрос собирателя. В такой ситуации вопрос становится частью рассказа, задает тему, форму, организует и структурирует текст. Рассказы с мотивом хватания мяса / закалывания животного следовали после вопроса о том, что раньше делали или говорили про Ильин день: «<Соб.: Что делали на Ильин день?> Быка закалывали» [СНИ 1926], см. также: [ТАН 1916; ПЕП 1920; ВАА 1923; ВАП 1928; СНИ 1937], или непосредственно после вопроса о закалывании бычка на Ильин день (в 12 текстах из 22). В целом все эти тексты выражают особенность Ильина дня, которая складывается из воспоминаний о событиях, имевших место в данном селе в указанную дату календарного года.

По происхождению в корпусе записанных текстов мы можем выделить два типа рассказов: одни составлены на основе собственных воспоминаний рассказчика, другие являются пересказами устных воспоминаний. В трех текстах информанты 1920, 1926, 1927 гг. р. сообщают, что в детстве видели, как взрослые хватали мясо [ПЕП 1920; СНИ 1926; МГН 1927], и это вполне допустимо, потому что и по ряду других косвенных сообщений обряд проводился до конца 1930-х гг. и попал под запрет после 1937 г. в связи с усилением антирелигиозной пропаганды, арестом священнослужителей и начавшимся процессом разрушения храмов.

Все остальные рассказы имеют устную природу происхождения, что подтверждается высказываниями информантов: «раньше говорили», «рассказывали», — а также более конкретными вариантами: «моя мама мне рассказывала, её словами говорю, маминой речью» [МЛА 1932]; «наша мама рассказывала» [ИНИ 1939]; «слышал, но сам это не видел, только мама рассказывала» [ШПП 1931]; «это <старший> брат Миша мне рассказывал, я это ещё <уже> не видела», «не праздновали, а вспоминали» [ГУН 1926]; «где это было, я это своими глазами не видел никогда, где закалывали, как закалывали, но говорили» [ИИП 1931]; «Я не успела,

⁵ В статье приводятся цитаты из расшифровок экспедиционных видео- и аудиоматериалов в основном в подстрочном переводе с коми языка, которые выполнены автором статьи. Случаи интервью на русском языке от коми информантов отмечены в сведениях о записях.

я тогда малая была и не ходила, а большой стала, и не стало ничего» [ВПВ 1922].

Данные высказывания указывают на условия бытования текстов и могут рассматриваться как ссылка на источник информации, упоминание которого придает сообщаемым сведениям достоверность, а также показывать статус рассказчика по отношению к описываемым событиям. Кроме того, они могут считаться способом выражения коллективного прошлого. Все это является признаками предания.

По содержанию устные рассказы, составленные как по личным впечатлениям, так и на основе устных воспоминаний, не имеют существенных различий в силу того, что в обоих случаях текстуализируется одно событие — закалывание животного / хватание мяса.

По форме и содержанию нарративы можно разделить на две группы. Первую составили три текста, в которых реализовано «ядро сообщения» [Чистов 2005, 49–50], например: «<Соб.: А тогда, говорят, бычка закалывали?> *На Ильин день, да, это раньше закалывали специально, бычье мясо, мол, надо есть» [ИИП 1931].*

Все остальные тексты вошли во вторую группу, в которых «ядро сообщения» выражается «в динамичной форме» [Чистов 2005, 49–50], например: «*А на Ильин день, в старину такой большой праздник был, на Ильин день другие приносили бычков резать, в церковь приносили бычков, потом к воде <реке> спускаются, и на Ильин день там, мол, мясо варят, едят, тоже праздник был в старину. <Соб.: Кто приводил бычков?> Если у меня есть бычок, как бы Богу его приносят, зарезут и приносят туда в церковь мясо. <Соб.: Обещают?> Да, обещаешь, надо принести, чтобы ты не болел, чтобы с Богом стал жить. <Соб.: Кто варит?> Там, сами, мол, и варят на берегу, все потом там, мол, Ильино мясо сегодня хватают, еще люди говорят» [ТГЕ 1925].*

Подобные тексты могут быть расширены за счет дополнительных сюжетов личного характера. Нами выявлены два текста такого рода. В первом — пересказывается необычный эпизод из сельской повседневной жизни, рассказанный мамой информанта, об односельчанине, который на Ильин день прибегал с сенокоса за шестнадцать километров, чтобы закалывать быков [ШПП 1931]. В другом — сюжет жертвоприношения является частью

семейного предания: «*Мне только рассказывала (брат-то, Миша, был восьмого лета, года), она рассказывала: раньше не <мол> обещают бычка, потом по <мол> режут на Илля лунтё <Ильин день>, около церкова варят и там не <мол> очень праздновали три дня, вот это брат Миша мне рассказывал, я это еще не видела. У нас отец-то обещалась же давать. У нас раньше дети-то рожались каждый год, сейчас ведь аборт делают да что да, не рожают, а тогда ведь каждый год рожали, и у нас мать-то рожает, а не останавливается <остаётся>, умирают. Потом отец пошел в церкви и обещалась на Илля лун давать бычка. А вот бычка-то не давал <удалось> давать, глаз что-то у него болеть стало — бычка-то и не принимали: у тебя не <мол> бычка болеет. <Соб.: И у него не взяли бычка?> Да вот, потому что глаз у него куда-то толкнула ли, что ли, болеет не <мол>, не взяли. Вот раньше такая мода была, конешнё. Это брат-то у меня рассказывала, он там в другой деревне жил, да после матери <смерти мамы> у меня мы двое дети были, и только маленькие сестра остались, а братья-то на войне были» [ГУН 1926].*

Следующие тексты расширены за счет дополнительных сюжетов, которые связаны с отдельными содержательными моментами рассказа о жертвоприношении ассоциативно. В одном из текстов вопрос собирателя о возможном обетном характере принесения в жертву животного активизирует в памяти исполнителя повествование об обетности купания в проруби на Крещение [ТАН 1916; СНИ 1937]. В другом тексте продолжение рассказа о хватании мяса на Ильин день, происходившем около церкви с. Ношуль, связано с мотивом разрушения церкви [РПМ 1932].

На основе рассмотренных текстов можно выделить следующие особенности. В данной локальной традиции «хватать Ильино мясо» в языковом плане является устойчивым выражением, что подтверждается следующими примерами из интервью: «*раньше говорили, что сегодня, мол, надо идти хватать Ильино мясо, на Ильин день.<...> Отицы наши говорили: поидемте, мол, Ильино мясо хватать» [СНИ 1926]; «говорят, Ильино мясо хватать» [ВАП 1928]; «Ильиным мясом и называли» [ПЕП 1920]; «потом вот говорили: Ильино мясо хватать»*

[МЛА 1932]; «Ильино мясо, мол, сегодня хватают, еще люди говорят» [ТГЕ 1925]; «у нас здесь говорили: Ильино мясо, мол, пойдет хватать» [ВАП 1926]. В приведенных текстах не рассказывается о событии прошлого — ритуале жертвоприношения на Ильин день, а подтверждается факт, что на Ильин день хватали мясо / резали бычка, поэтому ни один из текстов не содержит сведений по обряду в полном объеме. В основном текстуализируются отдельные моменты ритуала, которые содержательно связаны с устойчивым повествовательным мотивом — заклинанием животного и/или хватанием мяса: животное выращивают, завещают, закалывают, мясо разрубает на куски, варят в котле. Жертвоприношение становится фольклорным фактом, свертывается до высказывания/мотива. Во время интервью транслируется текст, который создается на основе этого мотива непосредственно в момент исполнения, чем объясняется формально-содержательное разнообразие записанных текстов. Вслед за К. В. Чистовым мы рассматриваем их как разные способы передачи информации [Чистов 2005], каждый из них не отдельный вариант текста, а один из возможных способов реализации мотива хватания мяса / заклания животного.

Несмотря на различия в содержании и объеме зафиксированных текстов, в них наблюдаются существенные общие моменты. Устойчивые элементы текста связывают содержание повествования с местной историей. К ним относится определение времени и места описываемых событий. В большинстве вариантов используется выражение «важён / в старину» и «водзын/раньше», в некоторых случаях может конкретизироваться: «в старину, без колхозов еще» [ВАП 1928]; «раньше было, когда еще церковь-то было» [ВТА 1932]; «это Богу отдавали раньше, а сейчас конец пришел» [ПЕП 1920]; «варили раньше, варили, а сейчас нет» [ВПВ 1922]. Указание на давность событий является типичной чертой преданий.

Местом проведения ритуала в большинстве текстов указывается Ношульская церковь. И только в одном тексте событие разворачивается от церкви к реке: «На Ильин день другие приносили бычков резать, в церковь приносили бычков, потом к воде <реке> спускаются, и на

Ильин день там, мол, мясо варят, едят, тоже праздник был в старину» [ТГЕ 1925]. И это частично совпадает с этнографическим описанием обряда, где указывается, что животное закалывают и варят на берегу реки, а мясо расхватывают около церкви [Косарев 1859; Косарев 1863]. Редуцирование мест действия еще раз доказывает особенность рассказов с мотивом хватания мяса / закалывания животного: в устной традиции сохраняется не текст о жертвоприношении как историческое событие, а факт хватания мяса / закалывания животного на Ильин день около церкви с. Ношуль, следовательно, все остальные события, связанные с этим фактом, получают ту же локализацию.

В ряде текстов сообщается о проведении ритуала около часовни, при этом упоминаются часовни разных деревень Ношульского с/с [ВПВ 1922; УАА 1924; СНИ 1926]. Локализация ритуала около часовни возможна в более поздних вариантах его проведения (например, в тексте [СНИ 1926]), мы также не исключаем и действия механизма устной истории, когда сюжет о хватании мяса / закалывании животного привязывается к «своей» часовне.

Указание места и времени востребовано, во-первых, содержанием текста — это местная история, она имеет темпоральную и локальную привязку; во-вторых, формой текста — это хроникат, констатация факта, который требует фактической точности; в-третьих, прагматикой текста — связывает рассказчика и описываемые события.

Следующий содержательный элемент устных рассказов с мотивом хватания мяса / закалывания животного на Ильин день может быть обозначен как интерпретация ритуала жертвоприношения. Для большей наглядности начнем с анализа вариантов мотивировки ритуального действия, зафиксированных в описаниях обряда XIX в.

Само по себе наблюдение за обрядом позволяет описать совершаемые действия, реалии, исполнителей и участников, место и время, произносимые тексты. Смысл обряда раскрывают комментарии, разъяснения, толкования, которые не эксплицируются при совершении обряда, а обычно высказываются носителями традиции, когда те рассказывают об обрядах

[Неклюдов 2011]. В исследованиях так называемых «текстов с интерпретирующей функцией» определено, что мотивировки ритуалов реализуются в ситуации, когда надо рассказать об обряде «чужому человеку» или при обучении «своих» [Мороз 2004, 174; Толстая 2013, 202; Виноградова 2016, 323].

Первому варианту соответствует ситуация, представленная в литературном очерке М. Косарева «Ильин день в селе Ношульском», когда автор-наблюдатель описывает увиденные обрядовые действия, а о цели обряда сообщает его собеседник — носитель традиции: «А у кого плохо <скот> разводится, так тот и обещает на праздник батюшки Ильи-пророка принести в жертву первого бычка, какой у него родится, нищей братии, то есть и всем православным христианам пожертвовать. Ну, и дает Господь, скот поправляется, больше скота бывает. Вот и сегодня мужички, никак пятеро или шестеро, привели по бычку, а бывает и больше» [Косарев 1859]. В данном речевом фрагменте описывается начальная ситуация, которая является причиной совершения ритуала, способ воздействия и достигнутый результат — следствие, в целом толкование построено на причинно-следственных отношениях, что характерно для народного мировоззрения. На основании этого комментария участника ритуала обряд жертвоприношения в семантическом плане рассматривается как ответная реплика (исполнение индивидуального обета, данного Богу в случае кризисной ситуации в скотоводстве), реализующая продуцирующую функцию.

Второй вариант интерпретации обряда содержится в этнографическом очерке М. С. Косарева, который представляет собой научное описание обряда жертвоприношения, в связи с чем меняется языковая форма изложения ритуальной мотивировки при частичном сохранении логической структуры: «Если у него <пермяка> плохо разводится скот, то он обещается первого бычка, который у него родится, принести в жертву Св. Пророку Илию, чтобы Бог благословил и умножил его стадо» [Косарев 1863, 41об.]. Причинно-следственная форма выражения заменяется причинно-целевой: сообщается причина совершения ритуального действия в условной форме, способ воздействия

и цель — устранение причины и улучшение начальной ситуации. В данном тексте ритуальная мотивировка является необходимой частью научного описания этнографического факта.

Третий вариант интерпретации жертвоприношения зафиксирован в рассказе-воспоминании о хватании Ильинского мяса: «У кого было случится несчастье в семье, со скотом и так далее, они, крестьяне, обещают дать Богу Ильинское мясо — быков» [ТАК 1899]. В выражении сохраняется причинная форма мотивировки: отрицательно оцениваемая ситуация становится причиной совершения ритуального действия, которая в рассказе служит завязкой сюжета, являясь необходимым условием для развития основного события — хватания мяса, а цель и следствия обряда неважны, поэтому они упускаются. Расширяется сфера действия ритуала, можно сказать, становится более универсальной, что объясняется переходом обряда из актуального в разряд прошлого, с одной стороны, и сменой традиционного уклада жизни — с другой. Следовательно, можно говорить о ситуации (в дополнение к вышеуказанным ситуациям рассказывания «чужому» и «обучения своих»), когда носителями традиции реализуются интерпретации ритуальных действий — это рассказы об обрядах как о событиях недавнего прошлого, где ритуальная мотивировка является необходимой частью описываемого события.

В устных повествованиях о закалывании животного / хватании мяса на Ильин день мотивировка ритуального действия становится необходимым содержательным компонентом — объяснением, откуда берется закалываемое животное. По содержанию интерпретирующие выражения можно объединить в следующие группы. В первую группу объединяются интерпретации, в которых сохраняются толкования, близкие к актуальному периоду функционирования обряда — обет в кризисной ситуации: «болеет и обещает Богу, он вот к Ильину дню обещает принести Богу бычка, откормить и принести Богу, он будто Богу дает» [МЛА 1932]; «это на Ильин день кто Богу обещал, говорит, что-то сделать, да надо помочь, да, но Бог помоги — на Ильин день, говорит, бычка дам, вот это прямо в церковь ведут и режут» [РПМ 1932]; «болели

ли, что ли, и что вот Ильин день — при-
несу я бычка, или барана, или кого-нибудь,
и увезут в церковь» [ВТА 1932]; «кто бо-
леет иль что-то, и обещает, отец иль
мать, иль дети заболеют, и обещает,
если поправится, то принесу на Ильин
день вот это» [ШПП 1931]. В некоторых
текстах сохраняется только ключевая
фраза интерпретации ритуала — обет-
ность: «какой-нибудь житель села дает
обет, он на Илья лун <Ильин день> гото-
вит телку или бычка, обязательно» [ТАА
1939]; «раньше не <мол> обещают бычка,
потом по <мол> режут на Илля лунтё
<Ильин день-то>» [ГУН 1926].

Вторая группа интерпретирующих
выражений отличается разнообразием.
Можно выделить тексты, для которых
характерна следующая ситуация: в памя-
ти информанта сохраняется или подска-
зывается участником беседы выражение,
что бычка обещают привести/заколоть/
отдать, но поскольку семантическая связь
с ритуальной действительностью поте-
ряна, а содержание услышанной исто-
рии рассказчик не помнит, он предлагает
интерпретации, основанные на личных
взглядах и знаниях: «кто-то за что-то
обещал и вот, батька-поп пошел спро-
сить, давай бычка-то, ты ведь обещал»
[ШНС 1926]; «в церковь, мол, приводят на
Ильин день, бычков зарезают, у кого какая
скотина есть, кому не жалко, а жалко —
человек и не приносит, кто богаче» [ТГЕ
1925]. С точки зрения того, что в основе
рассказа — ритуальное событие, вполне
ожидается появление мотивировок, в ко-
торых содержится отсылка обряда к ре-
лигиозной сфере: «это Богу дают» [ПЕП
1920]; «я Богу молюсь и даю» [МАС 1918];
«как бы Богу его приносят» [ТГЕ 1925];
«обязательно надо сдать в церкви» [МНИ
1918]; а также выделение традицион-
ности и древности: «такая была мода, это
пожилые люди знают» [УАА 1924]; «види-
мо, такая мода была или так надо было»
[СНИ 1937]; «какая-то примета была»
[ВАП 1926].

В противоположность вышеприведен-
ным вариантам следующая группа исто-
толкований характеризуется отрицани-
ем сакральности совершаемых действий
и основывается на субъективном воспри-
ятии действительности, в котором нахо-
дят выражение современные отношения
к окружающему миру, законы сельского

общества, личные взгляды исполнителя.
По содержанию рассказов животное или
мясо приносят в церковь, поэтому вполне
логично появление толкований принесен-
ия животного в пользу церкви и священ-
нослужителей: «это закалывают свите
попов, не кому-то людям, себе, нарочно
попам приводят бычков, но маленьких, не
большого, конечно, бугая, а полугодовал-
го, да что да приводят, зарезут и мясо
сдают попам» [ШПП 1931]; «попу это не-
сут, там сколько-то едят, остальное сви-
те попа оставляют» [ВАП 1926]. Прине-
сение животного может разъясняться по-
лучением какой-либо выгоды хозяином
животного: «целого бычка один хозяин за-
калывает и кормит, чтобы ему хорошая
жизнь была, не жалеет» [ИНИ 1939]; «кто
хочет жить богато, несет бычка» [МТН
1927]; или общим благосостоянием хо-
зяина животного: «кто выращивает, он
обществу дает быка» [ВАП 1928]; «у кого
богатство есть» [ВАА 1923], «кто более
богатый, он приносил попу бычка» [БСК
1934], «у кого есь <есть> бычок, возьмет
и режет» [ВПВ 1922]; «у кого есть боль-
ше скота» [ШНП 1920]; «обычно у кого
больше скот, да, вот, примерно, я скажу,
две коровы да бычка, да лошадь держали
тогда, да несколько овец, вот из этих вы-
бирают, значит» [МНИ 1918].

В ряде текстов собиратель для выясне-
ния особенностей ритуала пытается до-
биться определенного ответа и этим про-
воцирует собеседника на рефлексию. Тол-
кования составляются в контексте воспо-
минаний о празднике и условий сельской
жизни того времени: «<Соб.: У кого быка
резали?> А вот у кого резали, не знаю. Но
тогда у всех был скот. У нас было три
коровы, две лошади, но в тот день, как
церковный праздник, старинный церков-
ный праздник, может, и давали быка, не
жалели, конечно, на праздник, наверно,
так было. А может, и была очередь или
давали по обещанию, это вот не знаю»
[СНИ 1926].

По мотивировкам можно проследить
изменение в восприятии обряда раз-
ными поколениями, например мамой
и дочерью: «<Соб.: Про Ильин день что
рассказывали?>

<Нина Ивановна> Говорили, в деревне,
мол, по кругу каждый год кто-то держит
<бычка>. У меня, мол, в этом году есть
бычок, бычка стараешься откормить.

<...> видимо, такая мода была или так надо было.

<Александра Николаевна> Спасибо, мол, Богу, спасибо Богу. СНИ: Спасибо Богу, спасибо Богу, не хозяину, а спасибо Богу. А на следующий год я, моя очередь, я должна отвести быка, вот на это» [ТАН 1916, СНИ 1937]. Информант 1916 г.р. подчеркивает религиозность обряда, а ее дочь, 1937 г.р., принесение животного интерпретирует законами сельского общества — очередностью. Здесь необходимо добавить, что в скотоводческой традиции коми очередность была развита в пастушестве. В большинстве традиций практиковался вольный выпас скота, а в роли пастухов выступали сами хозяева животных, и пасли скот по очереди, определяя последовательность расположения домов от одного конца деревни к другому.

Зафиксированы случаи, когда супруги-информанты дают вариативные мотивировки:

«<Соб.: Кто этого бычка приносил?»

<Наталья Павловна> У кого есть больше скота. <Соб.: Любой человек?» Да кто хочет, тот и принесет.

<Николай Семенович> Кто-то за что-то обещал, и вот батька-поп пошел спросить: давай бычка-то, ты ведь обещал» [ШНП 1920, ШНС 1926].

В целом анализ содержательного элемента, который мы условно назвали интерпретацией ритуального события, позволяет сделать выводы относительно механизма создания и воспроизведения устных рассказов. Тексты, в которых мотивировки принесения в жертву животного более близки к актуальному периоду ритуала, основаны на пересказах устных воспоминаний об обряде. В остальных случаях к событию прошлого — принесению в жертву животного / хватания мяса — подбираются интерпретации из «заготовок» повседневной жизни. В том числе и в текстах, составленных на основе личных воспоминаний: мотивировки являются рефлексией, информанты были детьми, для них хватание мяса было интересным событием, о котором остались детские впечатления. Сюжет текста составляется в момент создания и воспроизведения рассказа. Этим подтверждает то, что в коллективной памяти сохраняется не рассказ о жертвоприношении на

Ильин день, а факт закалывания животного / хватания мяса на Ильин день, который выступает сюжетообразующим мотивом преданий.

Выявление функций устных рассказов с мотивом заклания животного / хватания мяса связано непосредственно с ситуацией рассказывания этих текстов. Как мы выяснили, данные тексты актуализируются в связи с Ильиным днем и связаны с коллективным прошлым традиции. Рассказывая о событии прошлого своего коллектива — хватании мяса / закалывании животного на Ильин день, — информант выделяет эту дату из потока времени. Семантика календарной даты определяется событиями прошлого, актуальными ритуальными практиками или устными рассказами о них. Восприятие календарной даты складывается через описание эпизодов календарной истории конкретной даты, что является нарративной практикой, которая структурирует и обозначает время, в чем выражается функция текстов — структурирование времени на основе событий местной истории. Причастность событий к Ильину дню обеспечивает сохранность и устойчивость мотива за счет ежегодного повторения. Кроме того, хватание мяса / заклание животного является событием прошлого коллектива, рассказывая о котором информант декларирует свою принадлежность к коллективу (идентификационная функция), а в ситуации сообщения собирателю фольклора — репрезентирует себя как представителя данного локального сообщества (репрезентативная функция).

Таким образом, в коллективной памяти сохраняется не рассказ о жертвоприношении на Ильин день, а факт закалывания животного / хватания мяса на Ильин день, который в устной традиции свертывается до мотива/высказывания и выступает сюжетообразующим мотивом нарративов об Ильине дне. По объему, форме и содержанию тексты довольно разнообразны, что обусловлено такими обстоятельствами, как условия и способы получения этих знаний, случаи совпадения в жизни отдельно взятого человека, особенности интервью (зависит от настроения информанта на беседу, восприятия собирателя информантом, вопросов собирателя). Объединяет их модель трансляции: текст создается в момент воспроизведения на основе мотива хватания мяса / заклания

животного и является подтверждением факта этого события на Ильин день в с. Ношуль. С содержанием текста (местная история) и структурой (пересказ прошлого) связаны следующие элементы текста: указание на место и время событий, ссылка на источник информации, подтверждение достоверности, что в целом

соответствует жанру преданий. Данная модель рассказов функционирует в контексте воспоминаний об Ильине дне, выделяя эту дату из потока времени. Календарная приуроченность обеспечивает ежегодную актуализацию, что создает условия для сохранения и трансляции мотива в коллективной памяти.

Экспедиционные аудио- и видеозаписи

БСК 1934, БМИ 1930 — Зап. от Степана Кузмича Беляева, 1934 г.р., и Марии Игнатьевны Беляевой, 1930 г.р., с. Ношуль, Прилузский р-н, Республика Коми (далее — РК). Соб. Л. С. Лобанова. 2006 г. [ФФ ИЯЛИ: А15110; аудиозапись]

ВАА 1923 — Зап. от Александры Александровны Вахниной, 1923 г.р. (урож. д. Лихачевская), д. Якутинская, Ношульский с/с, Прилузский р-н, РК. Соб. Л. С. Лобанова. 2006 г. [ФФ ИЯЛИ: А1594_1; аудиозапись]

ВАП 1926 — Зап. от Анны Павловны, 1926 г.р., д. Климовская, Ношульский с/с, Прилузский р-н, РК. Соб. А. Н. Рассыхаев. 2006 г. [ФФ ИЯЛИ: В15106; видеозапись].

ВАП 1928 — Зап. от Александра Павловича Вахнина, 1928 г.р., п. Чекша, Ношульский с/с, Прилузский р-н, РК. Соб. Л. С. Лобанова. 2006 г. [ФФ ИЯЛИ: А15102_1; аудиозапись].

ВПВ 1922 — Зап. от Павлы Васильевны Вахниной, 1922 г.р. (урож. д. Лихачевская), п. Чекша, Ношульский с/с, Прилузский р-н, РК. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2006 г. (интервью на русском языке) [ЛАК; аудиозапись].

ВТА 1932 — Зап. от Татьяны Афанасьевны Вахниной, 1932 г.р., д. Якутинская, Ношульский с/с, Прилузский р-н, РК. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2006 г. (интервью на русском языке) [ЛАК; аудиозапись].

ГУН 1926 — Зап. от Ульяны Николаевны Горбуновой, 1926 г.р., д. Горбуновская, Ношульский с/с, Прилузский р-н, РК. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2006 г. (интервью на русском языке) [ЛАК; аудиозапись].

ИИП 1931 — Зап. от Ивана Петровича Иевлева, 1931 г.р., п. Чекша, Ношульский с/с, Прилузский р-н, РК. Соб. Л. С. Лобанова. 2006 г. [ФФ ИЯЛИ: А15101; аудиозапись].

ИНИ 1939 — Зап. от Николая Ивановича Ичёткина, 1939 г.р., д. Лихачевская, Ношульский с/с, Прилузский р-н, РК. Соб. А. Н. Рассыхаев. 2006 г. [ФФ ИЯЛИ: В1591; видеозапись].

МАС 1918 — Зап. от Анны Степановны Можеговой, 1918 г.р. (урож. д. Горбуновская), с. Ношуль, Прилузский р-н, РК. Соб. А. Н. Рассыхаев. 2006 г. [ФФ ИЯЛИ: В1592; видеозапись].

МЛА 1932 — Зап. от Лидии Александровны Можеговой, 1932 г.р., д. Якутинская, Ношульский с/с, Прилузский р-н, РК. Соб. Л. С. Лобанова. 2006 г. [ФФ ИЯЛИ. А15107_1; аудиозапись].

МНИ 1918 — Зап. от Николая Михайловича Можегова, 1918 г.р. (урож. д. Лихачевская), с. Ношуль, Прилузский р-н, РК. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2006 г. (интервью на русском языке) [ЛАК; аудиозапись].

МТН 1927 — Зап. от Татьяны Николаевны Можеговой, 1927 г.р. (урож. д. Горбуновская), п. Орьсь, Ношульский с/с, Прилузский р-н, РК. Соб. А. Н. Рассыхаев. 2006 г. [ФФ ИЯЛИ: В15107; видеозапись].

ПЕП 1920 — Зап. от Евстолии Павловны Пономаревой, 1920 г.р., с. Ношуль, Прилузский р-н, РК. Соб. Л. С. Лобанова. 2006 г. [ФФ ИЯЛИ: А15108; аудиозапись].

РПМ 1932 — Зап. от Павлы Михайловны Рубцовой, 1932 г.р., д. Яковлевская, Ношульский с/с, Прилузский р-н, РК. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2006 г. (интервью на русском языке) [ЛАК; аудиозапись].

СНИ 1926 — Зап. от Нины Ивановны Смолевой, 1926 г.р., с. Ношуль, Прилузский р-н, РК. Соб. Л. С. Лобанова. 2006 г. [ФФ ИЯЛИ: А1587; аудиозапись].

ТАА 1939 — Зап. от Алевтины Алексеевны Трофимовой, 1939 г.р., с. Ношуль, Прилузский р-н, РК. Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2006 г. (интервью на русском языке) [ЛАК, аудиозапись].

ТАК 1899 — Зап. от Афанасия Константиновича Тарасова, 1899 г.р., с. Ношуль, Прилузский р-н, РК. Соб. А. К. Микушев. 1961 г. [ФФ ИЯЛИ: А1576; аудиозапись].

ТАН 1916, СНИ 1937 — Зап. от Александры Николаевны Трофимовой, 1916 г.р., и Нины Ивановны Супрядкиной, 1937 г.р., д. Якутинская, Ношульский с/с, Прилузский р-н, РК. Соб. Л. С. Лобанова. 2006 г. [ФФ ИЯЛИ: А1598_2; аудиозапись].

ТГЕ 1925 — Зап. от Гликерии Егоровны Трофимовой, 1925 г.р., с. Ношуль, Прилузский р-н, РК. Соб. А. Н. Рассыхаев. 2006 г. [ФФ ИЯЛИ: В1586; видеозапись].

УАА 1924 — Зап. от Анны Александровны Ульяновой, 1924 г.р. (урож. д. Лябовская), с. Ношуль, Прилузский р-н, РК. Соб. А. Н. Рассыхаев. 2006 г. [ФФ ИЯЛИ: В1593; видеозапись].

ШНП 1920, ШНС 1926 — Зап. от Натальи Павловны Шулуповой, 1920 г.р. (урож. д. Климовская) и Николая Семеновича Шулупова, 1926 г.р. (урож. поч. Ыджыдшордор), д. Чекшадор, Ношульский с/с, Прилузский р-н, РК.

Соб. Ю. А. Крашенинникова. 2006 г. (интервью на русском языке) [ЛАК; аудиозапись].

ШПП 1931 — Зап. от Петра Прокопьевича Шулепова, 1931 г.р., с. Ношуль, Прилузский р-н, РК. Соб. А. Н. Рассыхаев. 2006 г. [ФФ ИЯЛИ: В1599; видеозапись].

Источники и материалы

Конкка 2007 — *Конкка А. П.* Материалы по календарной мифологии и календарной обрядности сямозерских карел // Антропологический форум. 2007. № 6. С. 339–378.

Косарев 1859 — *Косарев М.* Ильин день в селе Ношульском // Русский дневник. 1859. 24 марта (№ 65).

Косарев 1863 — *Косарев М. С.* Пермьяки Вятской губернии, преимущественно Орловского уезда (дата поступления в архив: 24.02–6.03.1863 г.) [Центральный гос. архив Кировской обл. Ф. 170. Оп. 1. Д. 130].

ЛАК — Личный архив Ю. А. Крашенинниковой.

НА КомиНЦ — Научный архив ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН».

Отчет 2006 — *Крашенинникова Ю. А., Лобанова Л. С., Рассыхаев А. Н.* Отчет о полевых исследованиях в Прилузском районе Республики Коми в 2006 г. [НА КомиНЦ, Ф. 5. Оп. 2. Д. 719].

Розов 2008 — *Розов А. Н.* Фольклорно-этнографические материалы на страницах журнала «Олонецкие епархиальные ведомости» (1898–1918). Аннотированный тематико-библиографический указатель // Русский фольклор: Матер. и иссл. Т. 33. / Отв. ред. Ю. А. Кастров. СПб.: Наука, 2008. С. 366–380.

ФФ ИЯЛИ — Фольклорный фонд Института языка, литературы и истории ФИЦ «Коми научный центр УрО РАН».

Исследования

Азбелев 1966 — *Азбелев С. Н.* Проблемы международной систематизации преданий и легенд // Русский фольклор. Специфика фольклорных жанров. Т. 10 / Отв. ред. В. Е. Гусев. М.; Л.: Наука, 1966. С. 176–195.

Виноградова 2016 — *Виноградова Л. Н.* Тексты народной культуры с интерпретирующей функцией // Виноградова Л. Н. Мифологический аспект славянской традиционной культуры. М.: Индрик, 2016. С. 320–336.

Котельникова 2007 — *Котельникова Н. Е.* Собрание и систематизация несказочной прозы для архивного хранения // Первый Всероссийский съезд фольклористов: Сб. докл. / Отв. ред. А. С. Каргин. М.: ГРЦРФ, 2007. С. 164–176.

Липатова 2019 — *Липатова А. П.* Вариативность легенды. М.: РГГУ, 2019.

Лобанова 2016 — *Лобанова Л. С.* От обряда к преданию: к вопросу текстообразования современных устных рассказов о жертвоприношениях на Ильин день в с. Ношуль Прилузского р-на // Фольклористика Коми. Фольклорные жанры Европейского Северо-Востока России: динамика развития, трансформация, классическое наследие и современные формы / Отв. ред. Ю. А. Крашенинникова. Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2016. С. 69–91.

Мороз 2004 — *Мороз А. Б.* Народная интерпретация этнографического факта // Язык культуры: Семантика и грамматика / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 174–182.

Неклюдов 2011 — *Неклюдов С. Ю.* «Этнографический факт» и его фольклорные экспликации // Фольклор и этнография: К девяностолетию со дня рождения К. В. Чистова: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. К. Байбурина, Т. Б. Щепанская. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 40–47.

Неклюдов 2013 — *Неклюдов С. Ю.* Культурная память в устной традиции: историческая глубина и технология передачи // Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов: Сб. науч. ст. / Сост. и отв. ред. Н. Е. Котельникова. М.: ГРЦРФ, 2013. С. 9–15.

Толстая 2013 — *Толстая С. М.* К прагматической интерпретации обряда и обрядового фольклора // Толстой Н. И., Толстая С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2013. С. 197–209.

Чистов 2005 — *Чистов К. В.* К вопросу о принципах классификации жанров устной народной прозы // Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция: Сб. ст. М.: ОГИ, 2005. С. 44–51.

Штырков 2012 — *Штырков С. А.* Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб.: Наука, 2012.

© Л. С. Лобанова, 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лобанова Л. С. <http://orcid.org/0000-0002-5892-1254>

Научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН: Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; тел.: +7 (8212) 24-55-64; e-mail: sergejluda@mail.ru

Narratives with the Motif *Illya Yai Kvataytny* (Grab Ilya's Meat): The Form, Structure and Functions of the Text

Lyudmila S. Lobanova

(Komi Scientific Center, Uralic Branch, Russian Academy of Sciences:
26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167982, Russian Federation)

Summary. This article deals with the problem of defining the genre of oral prose about so-called "local history" on the basis of folkloric and ethnographical materials from the village of Noshul in the Priluzsky district of the Komi Republic which contain information about the slaughter of animals ("grabbing meat") on Ilyin Day (St. Elijah's Day). The aim of the present study is to reveal features of the functioning and text formation of stories about animal sacrifice and to define the role of the "meat grabbing / animal slaughtering" motif in these texts. The analysis allows us to conclude that the collective memory does not preserve the story of the sacrifice on Ilyin Day, but the fact of animal slaughtering / grabbing meat, which in the oral tradition is curtailed to a motive / utterance and acts as a plot-forming motive of narratives about Ilyin Day. The texts are quite diverse in size, form, and content, but what unites them is the model of transmission: the text is created at the moment of reproduction on the basis of the "meat grabbing / animal slaughtering" motif and is a confirmation of the fact that animal sacrifice took place on Ilyin Day. The following elements are connected with the content of the text (local history) and its structure (retelling of the events of the past): the indication of the place and time of the events; reference to the source of information; and confirmation of its credibility, which in general corresponds to the genre of legend.

Key words: modern oral prose, legend, rite of sacrifice, Komi tradition.

Acknowledgements. Research for this article was carried out within the framework of the plan of the folklore sector on the topic of "The Folklore Poetics of the Peoples of the Russian European North in Synchrony and Diachrony" (2021–2025) (reg. No. 121051400044–2).

Received: September 15, 2022.

Date of publication: March 25, 2023.

For citation: Lobanova L. S. (2023) *Narrativy s motivom Illya yai kvataytny* (khvatat' Il'inskoe myaso): forma, struktura i funktsii teksta [Narratives with the Motif *Illya Yai Kvataytny* (Grab Ilya's Meat): The Form, Structure and Functions of the Text]. *Traditsionnaya kul'tura*. 2023. Vol. 24. No. 1. Pp. 76–87. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.1.007>

References

Azbelev S. N. (1966) Problemy mezhdunarodnoi sistematizatsii predanii i legend [Problems of International Systematization of Tales and Legends]. In: Russkii fol'klor. Spetsifika fol'klornykh zhanrov [Russian Folklore. The Specifics of Folklore Genres]. Vol. 10. Ed. by V. E. Gusev. Moscow; Leningrad: Nauka. Pp. 176–195. In Russian.

Chistov K. V. (2005) K voprosu o printsipakh klassifikatsii zhanrov ustnoi narodnoi prozy [On the Principles of Classifying the Genres of Oral Folk Prose]. In: Chistov K. V. Fol'klor. Tekst. Traditsiya [Folklore. Text. Tradition]. Moscow: OGI. Pp. 44–51. In Russian.

Kotelnikova N. E. (2007) Sobiranie i sistematizatsiya neskazochnoi prozy dlya arkhivnogo khraneniya [Collecting and Systematizing Non-Fiction Prose for Archival Storage]. In: Pervyi Vserossiiskii s'ezd fol'kloristov [The First All-Russian Congress of Folklorists]: Col. of reports. Ed. by A. S. Kargin. Moscow: GRTsRF. Pp. 164–176. In Russian.

Lipatova A. P. (2019) Variativnost' legendy [Variation of a Legend]. Moscow: RGGU. In Russian.

Lobanova L. S. (2016) Ot obryada k predaniyu: k voprosu tekstoobrazovaniya sovremennykh ustnykh rasskazov o zhevtvoprinosheniya na Il'in den' v s. Noshul' Priluzskogo r-na [From Ritual to Legend: To the Question of Text Formation of Modern Oral Stories About Sacrifices on Ilyin Day in Noshul Village, Priluzsky District]. In: Fol'kloristika Komi. Fol'klornye zhanry Evropeiskogo Severo-Vostoka Rossii: dinamika razvitiya, transformatsiya, klassicheskoe nasledie i sovremennye formy [Komi Folkloristics. Folklore Genres of the European North-East of Russia: Dynamics of Development, Transformation, Classical Heritage and Modern Forms]. Ed. by Yu. A. Krasheninikova. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN. Pp. 69–91. In Russian.

Moroz A. B. (2004) Narodnaya interpretatsiya etnograficheskogo fakta [Folk Interpretation of Ethnographic Fact]. In: Yazyk kul'tury: Semantika i grammatika [The Language of Culture: Semantics and Grammar]. Ed. by S. M. Tolstaya. Moscow: Indrik. Pp. 174–182. In Russian.

Neklyudov S. Yu. (2011) "Etnograficheskii fakt" i ego fol'klornye eksplikatsii ["Ethnographic

Fact” and Its Folklore Explications]. In: *Fol’klor i etnografiya: K devyanostoletiyu so dnya rozhdeniya K. V. Chistova* [Folklore and Ethnography: To the 90th Anniversary of K. V. Chistov’s Birth]. Ed. by A. K. Baiburin, T. B. Shchepanskaya. St. Petersburg: MAE RAN. Pp. 40–47. In Russian.

Neklyudov S. Yu. (2013) *Kul’turnaya pamyat’ v ustnoi traditsii: istoricheskaya glubina i tekhnologiya peredachi* [Cultural Memory in the Oral Tradition: Historical Depth and Transmission Technology]. In: *Navstrechu Tret’emu Vserossiiskomu kongressu fol’kloristov* [Towards the Third All-Russian Congress of Folklorists]: Col. papers. Ed. by N. E. Kotelnikova. Moscow: GRTsRF. Pp. 9–15. In Russian.

Shtyrkov S. A. (2012) *Predaniya ob inozemnom nashestvii: krest’yanskii narrativ i mifologiya landshafta (na materialakh Severo-Vostochnoi Novgorodchiny)* [Legends of a Foreign Invasion:

Peasant Narrative and Landscape Mythology (On the Materials of the Northeastern Novgorod Region)]. St. Petersburg: Nauka. In Russian.

Tolstaya S. M. (2013) *K pragmaticheskoi interpretatsii obryada i obryadovogo fol’klora* [Toward a Pragmatic Interpretation of Rituals and Ritual Folklore]. In: Tolstoy N. I., Tolstaya S. M. *Slavyanskaya etnolingvistika: voprosy teorii* [Slavic Ethnolinguistics: Questions of Theory]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN. Pp. 197–209. In Russian.

Vinogradova L. N. (2016) *Teksty narodnoi kul’tury s interpretiruyushchei funktsiei* [Folk Culture Texts with an Interpretive Function]. In: Vinogradova L. N. *Mifologicheskii aspekt slavyanskoi traditsionnoi kul’tury* [The Mythological Aspect of Slavic Traditional Culture]. Moscow: Indrik. Pp. 320–336. In Russian.

© L. S. Lobanova, 2023

ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila S. Lobanova <http://orcid.org/0000-0002-5892-1254>

E-mail: sergejluda@mail.ru

Tel.: +7 (8212) 24-55-64

26, Kommunisticheskaya str., Syktyvkar, 167982, Russian Federation

Researcher, Folklore Department, Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center, Uralic Branch, Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)